

Додин, Давид Исаакович

Россия, Санкт-Петербург

Апрель 2005 – февраль 2007 гг.

Сердечная благодарность за письмо и был очень рад, что не забыли простого человека.

Я родился в Белоруссии в бедной крестьянской семье 9 мая 1921 г.

В 1940 г. был призван в армию, где служил на границе с Польшей в 35 понтонном полку. Когда началась война, нас одних из первых разбомбили. Оставшимся был отдан приказ пробираться на Минск. Но никто не знал, что Минск уже был захвачен немцами. С боями пробивались мы через леса на Минск, пока не попали у реки Свишляч под Минском в окружение, а затем в плен.

Кормили очень плохо. Давали жменю ячменя и селедку. Воду не давали, пили воду из реки. Скоро начали болеть, многие умирали.

Потом нас отправили в Польшу, остров Мозовец, где так же плохо кормили и работали на помещиков. Кормили нас из корыт, из которых кормили свиней.

После отправили в Германию, на пропускной пункт форлагерь Zeithem. Там нас держали под открытым небом на поле. Днем разрешали вставать, а ночью только лежать, кто вставал – сразу стреляли. Сколько мы там пробыли не помню. Вдруг слышу немецкий голос: „Кто знает немецкий язык?“. Я поднял руку, и меня вытянули из этой кучи. Идем. Подходим к унтер-офицеру. Он говорит, что нужна помощь в заполнении историй болезни. Меня провел он в один из трех стоящих барачков, где сидели врачи. Меня привели к унтер-офицеру, который показал, что я должен делать. Немецкий язык я знал хорошо, так как был учителем немецкого языка. Почерк у меня был красивый. И я стал заполнять истории болезни на военнопленных.

Находясь столько месяцев под открытым небом, заболел воспалением легких. Ко мне относились по-человечески, даже подкармливали немецким супом. Потом появился сыпной тиф. Немцы ушли из лагеря, и мы остались одни. Я тоже заболел сыпным тифом и унтер-офицер сказал, чтобы меня не отправляли в другой лагерь, а оставили с русским персоналом. Пробыл я 11 дней без памяти. Кусочки хлеба, которые на меня получали, ребята сушили. Когда я стал поправляться, это помогло стать мне на ноги.

Потом начали прибывать больные, в основном туберкулезные. Этот лагерь стал как лагерь-лазарет, где очень много людей умирали от голода, холода и болезней. В этом лагере я пробыл как санитар до 24 апреля 1944 г.

Потом я попал на работу на овощную ферму. Работу я знал хорошо, и отношение к нам было хорошее.

24 апреля 1945 г. в Руттер-Гут, в 5 км от Эльбы, где мы работали, нас освободила Советская Армия.

Потом вышел указ Сталина, чтобы учителя и другие специалисты возвратились. Я поехал на родину в Белоруссию, где работал учителем с февраля до 30 сентября. Потом меня арестовали и отправили в Москву. В Москве особое совещание дало мне 10 лет за то, что живой остался. Отсидел 8,5 лет. В 1956 г. был реабилитирован. После реабилитации остался работать на шахте „Интауголь“ в городе Инта, где прожил 30 лет. В 1977 г. переехал в Ленинград, где живу по сей день.

Извините, что так плохо написал ответ. Я болел гриппом, да и годы берут свое. Ослеп на один глаз. Ноги больные, еле ходят, хожу в сопровождении жены.

Я очень вам благодарен, и всей вашей команде в канун 60-летия освобождения от немецких захватчиков.

Здравствуйте многоуважаемые друзья!

Я получил ваши два письма, за что очень благодарен, что вы не забываете обо мне.

К сожалению, сам писать я не могу, так как совсем ослеп. Вы спрашиваете в отношении лагеря, в котором я находился, в туберкулезном лазарете. Условия в лагере были невыносимые, люди умирали от голода и болезней. Нас заставляли выносить трупы. Клади жерди на плечи 4-х человек, поперек клали трупы, и мы выносили их из лагеря.

Каждый думал, чтобы меня вынесли поскорее, чтобы покончить с этим кошмаром.

Перед лагерем был распределитель, там было болото, нас заставляли ночью ложиться, кто вставал – стреляли. Обер-ефрейтор Мюллер спросил: „Кто знает немецкий язык?“. Я машинально поднял руку, он меня вытащил из этого болота. Я помогал писать истории болезни унтер-офицеру Коновальчуку.

Гражданское гестапо проверяло по баракам людей. Меня позвали в барак на проверку. Он спросил фамилию и имя. Я сказал Додин Давид. „Кто по национальности?“ - спросил он. Я сказал – белорус. Он начал на чисто белорусском языке допрос. Потом он попросил снять штаны. Я ему сказал, что такой образованный человек не должен заниматься грязным делом, пусть вызовет врача для этого. Он сказал: „Вы правы!“. В канцелярию вошел рыжий немец и сказал, что Давид оказался еврей. Встает унтер-офицер врач Ланге и на него: „Смирно! Если где-нибудь повторишь, я тебя отправлю туда, где Макар телят не пас“, и выгнал его. А мне сказал, если будут куда-нибудь вызывать, чтобы я сразу пришел в канцелярию. После этого допросов не было.

Знали, что я еврей, оберфельдфебель (фамилию не помню), унтер-офицер Коновальчук, обер-ефрейтор Мюллер, ефрейтор Ландман и солдат Кауч.

В лагере я состоял в подпольной организации. Когда я вернулся на Родину, вскоре меня арестовали и дали 10 лет. Сидел я в лагере № 1 города Инта, Коми АССР. Освободился в 1954 г., реабилитирован в 1956 г. С 1976 г. живу в Ленинграде.

Здоровье неважное, глаза не видят, ноги плохо ходят, в основном сижу дома, на 5 этаже без лифта.

Извините, что не складно написал, поскольку память стала плохая.

Мой рассказ о жизни подробно записан на кассете в фонде Спилберга от 04.05.1998 года.
Можете обратиться туда, там хранится кассета.

С уважением, Давид Додин.